

Игорь Потоцкий

Где чувства бродят между строчек

*

Зачем я в этот город южный
вношу внезапно сумрак вьюжный
и ветра одичалый вой,
когда зима стоит в разгаре,
и можно на ночном бульваре
вдруг полететь вниз головой?

Зима рисует вновь на стеклах,
что ты, любимая, продрогла
и вдоль метели ты бежишь
с неимоверною фатою.
Мне рядом хорошо с тобою,
ты ничего не утаишь.

Буксуют важные машины,
одеты в белое мужчины
и шубки женщин так белы.
Сегодня утром все метели
вмиг просвистели, полетели
и запросто достигли мглы.

Под фонарями снег искрится,
мне кажется, что это снится,
глаз оторвать я не могу
от этих бархатных снежинок,
вступивших с ночью в поединок.
Одесса. Улица в снегу.

*

Наговори в окна стекло
невразумительные фразы,
сквозь них столетие стекло,
а мысли выстроились сразу.
И на какой-то там черте,
нас отделяющей от бога,
пойми, что все слова не те,
и потому в душе тревога.
И музыка вчерашних крон
тебя преследует некстати,
но этой ночью звездный фон
особенно невероятен.
Все страсти плавниками рыб
скользят особенно дрожью,
и строчки пишутся навзрыд
над вечным нашим бездорожьем.
И ты сливаешься с толпой,
и тянешь к женщине ладони,
и ощущаешь над собой
божественные сто гармоний.

*

Ты прилетела из вселенной.
Твоею красотой нетленной
заговорен мой слабый дух.
И я люблю тебя, как пери,
но ты стихам моим не веришь
и строчки не читаешь вслух.

А я томлюсь, как глупый демон,
себя я занимаю делом,
в котором суть все та же муть.
И море Черное, и Неман
осилю, словно теорему,
но ты со мною рядом будь.

Пленный дерзкой красотой,
весь мир готов сравнить с тобою,
верней, с твоим разрезом глаз.
Шуршать осеннею листвою
и убегать морской волною,
и о тебе писать рассказ.

*

Я выдохнул тебя из темноты,
как стеклодув; твои черты
я передал случайно с позолотой.
Вот водопад волос, вот два холма,
от них внезапно отступает тьма,
и квакнула лягушка у болота.

Вот клен. Как много у него ветвей,
как прошлых дней, где ты со мною в ссоре,
где треплешь нервы:
– Мне вина налей,
не красного, а синего, как море.

Я от тебя по улице бегу,
и кажется, что на моем боку
болтается осколок от эпохи,
который я совсем не берегу.
На берегу я собираю крохи
минувшего (собрать их не могу).

Все будущие дни, как валуны,
они не знают никакой войны,
тоски, обиды, злобы и печали.
Но знаем мы с тобою, что страшна
запретным плодом мука-тишина,
где птицы все внезапно замолчали.

*

Море говорило со мною, но вместо предложений
накатывались волны и бились о корму буксира,
принимая одно из тысячи решений,
умоляя, чтобы богиня меня простила.
Она бежала вдоль моря, бусы ее звенели,
она гневалась на мою последнюю оду.
Над буксиром облака что-то грустное пели,
доверяя свое многоголосие небосводу.
Я устал от стихов и негодующих взглядов,
от льстивых улыбок и недобрых глаз.
А море переливалось сотней тысяч радуг,
морская волна, словно лоза, вилась.
Пассажиры чокались рюмками, повсюду
неслась грузинская речь, дымила труба.
Муза подошла неслышно: случилось чудо:
я написал стихотворение для Тебя.
В нем волны морские напоминали твои волосы,
в нем тело твое проступало на простыне,
в нем звезды переговаривались твоим голосом,
зовущим меня и тоскующим обо мне.

*

Вся Одесса плывет, паруса развевая тугие,
и каюты, как улочки, полнятся смехом под утро,
и последние звезды искрят, а ее мостовые –
капитанские мостики, сделанные из перламутра.
Мы Одессой пройдемся, вдыхая осеннюю тяжесть,
но покажется снова: с тобою купается в море,
сохраняя друг к другу щемящую детскую нежность
и возвышенность чувств, как в старинном парижском соборе.

